

□□ вглядывался в лицо Зеро с нарастающей тревогой. Произнеси эти слова кто-то другой, он без колебаний счёл бы его сумасшедшим. Но перед ним стоял Зеро...

Буфань медленно обернулся, окинув взглядом неподвижные фигуры клонов, и дурное предчувствие тяжёлым камнем легло ему на сердце.

— И он всерьёз полагает, будто всё это время действовал во благо человечества? — Андерсон, сидевший на жёстких дощатых нарах, издал короткий злой смешок.

Тан Буфань уже вернулся в камеру. Зеро, выговорившись, без лишних слов отправил его обратно — «поразмыслить на досуге». Учёный прекрасно понимал, что подобные откровения не укладываются в голове за один миг, и не ждал от пленника сиюминутной готовности сотрудничать в грядущих экспериментах.

— Угу, — Тан Буфань аккуратно продел изогнутую хирургическую иглу сквозь кожу Андерсона, стягивая края раны.

Изначально Зеро наотрез отказался выдавать медикаменты, но Буфань быстро охладил его пыл, заявив: если у Андерсона начнётся заражение и тот свалится в лихорадке, ухаживать за больным придётся ему, Буфаню, а значит, ни о каком содействии в экспериментах не может быть и речи.

Зеро притащил оборотня в этот комплекс лишь с одной целью — держать Буфania на коротком поводке. Немного поразмыслив, он сочел доводы пленника резонными и со скрипом выделил необходимый минимум лекарств.

— База данных моего Вейбо уцелела чистой воды чудом. Значит, только наша группа из прошлого способна передавать весточки сквозь тысячелетие, просто публикуя новые записи. Моя задача — отправить ребёнка назад, а затем собственными глазами оценить реальность. Мне нужно выяснить, окажусь ли я в своём родном мире или в его параллельном отражении, — Тан Буфань тихо вздохнул, уводя изогнутую иглу глубже в плоть. — Только я помню прежний мир до мельчайших деталей. Любое расхождение, даже если привычная кружка на столе окажется другого цвета, докажет существование параллельных вселенных.

— Но в таком случае, даже если ты оставишь запись, мы в этой реальности её не увидим, верно? — подал голос Андерсон.

— Вероятность существования параллельных миров есть, но она ничтожно мала, — стекло напротив внезапно утратило матовость, сделавшись абсолютно прозрачным. Наблюдавший за ними часовой с явным интересом вклинился в разговор: — Мы полагаем, что наша вселенная едина и неделима. Главное тому доказательство — профиль господина Тана. Его публикации оборвались именно в тот день, когда мы выдернули его сюда, в будущее.

— Вот как? — Буфань замер, обдумывая услышанное. — Получается, когда вы подняли архивы, моя страница замолчала именно в день похищения... Выходит, ещё до того, как вы решились на этот запуск, моё перемещение уже было предрешено течением времени? Настоящий временной парадокс?

— Фатализм чистой воды, да? — глаза конвоира азартно блеснули. Он прильнул к стеклу, упиваясь научной дискуссией. — Мы рассматривали эту гипотезу. Но есть и другая версия: возможно, на следующий день вы просто погибли бы в результате какого-нибудь несчастного случая. Под машину попали бы, например. Так что, если посудить, мы вам жизнь спасли!

Тан Буфань промолчал. О подобном исходе он как-то не задумывался.

— Вернувшись, вы станете нашими глазами. Будете наблюдать, составлять отчёты и публиковать их в Вейбо под замком — с доступом «только для себя». Если вселенная одна и её будущее действительно пластично, мы здесь, в двадцать третьем веке, увидим ваши записи в режиме реального времени, — взволнованно зачастил часовой. — Только представьте: диалог сквозь тысячу двести лет! Настоящее чудо!

Самого Буфаня эти перспективы не вдохновляли. Его терзал куда более приземлённый вопрос: если его отправят в прошлое, сможет ли он когда-нибудь вернуться назад, к тем, кто стал ему дорог?

— Если параллельные миры всё-таки существуют и меня выбросит в иную ветку реальности, обратного пути уже не будет. Верно? — негромко спросил он у парня.

— Ну... да. Но это худший расклад, — замялся конвоир.

— Вам важна лишь чистота эксперимента, — горько усмехнулся Тан Буфань. — На то, что чувствую я, вам наплевать.

Он повернулся и посмотрел конвоиру прямо в глаза.

— Для вас я просто подопытный кролик. Беспомощная лабораторная мышь.

Вечный объект для наблюдений. Существо, лишённое права выбора, запертое в клетке чужих амбиций.

Парень смущённо замолчал и отвёл взгляд. Буфань вздохнул и вернулся к прерванному делу, затягивая очередной стежок на коже оборотня.

Обида и злость постепенно угасли, уступив место глухой апатии. На лодыжке Тан Буфаня теперь красовался тяжёлый электронный браслет с датчиком слежения. Впрочем, Зеро не стал запираť его в четырёх стенах — пленнику позволялось перемещаться по блоку. К нему даже

приставили личного наставника, который должен был следить за поведением Буфаня и обучать его тонкостям предстоящего квантового перехода.

Этим наставником оказался их давний знакомый — тот самый искусственный боец, с которым они столкнулись в бункере под Большим Хинганом. Тот самый фанат китайского ушу.

В человеческом облике он, конечно, уступал своей боевой модификации в мощи, но дрался на порядок лучше кабинетных учёных. Без него Тан Буфань раскидывал бы местных хлипких лаборантов одним щелчком, а этот крепыш умудрялся даже блокировать его удары и проводить несложные приёмы.

Своё настоящее имя он называть наотрез отказался, велел именовать себя Старшим братом Линем. Перестраховывался на случай, если проект Перезагрузчиков потерпит крах — не хотел, чтобы Буфань выследил его после побега и заставил платить по счетам.

— Ты совсем не веришь в планы Зеро? — спросил Тан Буфань, когда они вместе обедали в полупустой столовой исследовательского центра.

— На войне не бывает стопроцентных прогнозов, — отозвался Тапочек.

Это нелепое прозвище парню дал Андерсон — за привычку шаркать по коридорам в дешёвых домашних шлёпанцах из прессованного хлопка, издававших при ходьбе раздражающий стрёкот.

В долгу надзиратель не остался и окрестил верзилу-оборотня «белобрысым лаоваем».

— К тому же сейчас все три федерации зверолодей объединились в единый альянс, — Тапочек опасливо зыркнул по сторонам. Обед давно закончился, за длинными столами сидели лишь редкие дежурные сотрудники, поэтому он осмелился немного посплетничать: — Да и Подземный город Восточного округа не спешит идти нам навстречу. Саботируют всё, что могут.

— Разве Академия наук не под вашим контролем? — удивился Буфань.

— Помимо них там рулят ещё две группировки, — Линь Ся понизил голос до заговорщического шёпота. — Семья Юй окончательно растеряла бывшее величие, это верно. Но теперь у руля встал Цинь Фэйняо, а он целиком и полностью предан Фан Юэ. Эта баба — сущий дьявол в юбке. Сколько угодно может петь сладкие песни о том, что власть её не интересует, только вот весь Подземный город Восточного округа теперь пляшет под её дудку.

Буфань ловил каждое слово. Подавшись ближе, он тихо спросил:

— Значит, Фан Юэ действительно возглавляет Нейтральную фракцию?

— Ну а как же. Она ведь выходец из Комитета культуры и образования. А у этих идеалистов вечно на уме одна и та же чушь: «люди и звери едины в своих истоках», «знания должны быть доступны каждому», бла-бла-бла... Если бы в своё время семья Юй не устроила погром в Комитете, Го Вэнь наверняка помог бы им подмять под себя всю власть. — Тапочек прервался и снова шпионским взглядом окинул столовую. Затем его губы придвинулись к самому уху Буфаня: — Но самое забавное не это. Шепчутся, у неё в своё время были весьма... пикантные тёрки с самим Доктором.

Глаза Буфаня загорелись любопытством. Он уже открыл было рот, чтобы вывести подробности, но его собеседник вдруг резко выпрямился, нацепил на лицо маску образцового сотрудника и принялся с преувеличенным усердием ковыряться ложкой в тарелке.

Буфань оглянулся. Из дверей столовой как раз выходили двое научных сотрудников, оживлённо обсуждавших результаты очередного теста.

Пожилой уборщик с шумом поставил ведро с водой на пол и потянулся за половой тряпкой.

— Дядюшка Линь, я всё. Давайте помогу, — Тан Буфань подхватил свой металлический поднос, отнёс его к стойке приёма грязной посуды и, вытерев рот тыльной стороной ладони, вернулся, чтобы помочь старику протереть столы.

— Ой, сынок, да брось ты, не нужно!

— Мне не трудно. Всё равно спать днём не умею, а в камере сидеть тошно, — улыбнулся Буфань.

За время своего пребывания в застенках лаборатории он частенько помогал местному обслуживающему персоналу с уборкой. Старик для приличия поотнекивался ещё немного, но спорить не стал, и они принялись дружно приводить столовую в порядок.

Старания Буфаня не прошли даром: в тот же день на обеденной тарелке Андерсона, которую принесли с большим опозданием, красовались два сочных, отлично прожаренных стейка.

— Неужто в этой живодерне решили расщедриться на приличное мясо? — удивлённо хмыкнул Андерсон, усаживаясь прямо на полу по-турецки.

Его исполинское тело просто не умещалось на стандартной узкой койке. Тан Буфаню пришлось совершить вылазку к местной свалке упаковочных материалов, притащить кучу плотного картона и соорудить для раненого оборотня подобие матраса прямо на сыром бетонном полу.

— На обед пришло мало народу, вот порции и остались, — соврал Буфань, умолчав о том, что мясо ему отдали в благодарность за помощь на кухне.

Устроившись за колченогим столиком прямо напротив обзорного стекла, он раскрыл тяжёлый научный фолиант, испещрённый сложными физическими терминами.

Наблюдая, как Буфань увлечённо вчитывается в текст, Андерсон подцепил когтями кусок мяса и, тщательно прожёвывая его, не упустил возможности подколоть товарища:

— Что, уже заделался в преданные ученики Зеро? Постигаешь законы квантовой механики?

— Лучше понимать, что с тобой делают, чем оставаться в неведении, — спокойно отозвался Тан Буфань. — Жаль только, у меня не хватает мозгов, чтобы разобраться во всех этих формулах.

— Был бы ты поумнее, мы бы сейчас тут не торчали, — проворчал оборотень.

Тем не менее от скуки он поднялся со своего картонного ложа, подошёл к столу и уставился в открытую страницу через плечо Буфани.

— Разбираешься в этом? — с надеждой спросил тот. Вдруг у Андерсона обнаружатся скрытые таланты?

— Здесь всё на китайском. Я ни черта не понимаю, — хмыкнул Андерсон, отправляя в рот очередной кусок стейка.

Буфань только вздохнул и вялым жестом указал на угол:

— Тогда иди спи. Не мешай.

Вместо этого оборотень подошёл к матовому смотровому стеклу и прижал к нему широкую ладонь.

— Эй. Чувствуешь?

— Что именно? — Буфань даже головы от книги не поднял.

— Нас трясёт. Слегка покачивает.

Буфань нахмурился и осмотрелся. Вокруг всё было статично.

— Землетрясение? Да нет вроде, ничего не шатается.

— Эх ты, матрас комнатный, — разочарованно протянул Андерсон, проглатывая последний

кусок мяса. Он поманил Буфаня рукой: — Подойди и приложи ладонь сюда. Сосредоточься. Почувствуй эту едва уловимую, тонкую вибрацию.

Буфань послушно подошёл к бронированному стеклу и прижал ладонь рядом с рукой оборотня. Как он ни старался уловить движение, его пальцы чувствовали лишь холодную, мёртвую поверхность.

Однако сомневаться в словах Андерсона не приходилось — чувства высших звероловцев были обострены до предела. Буфань опустил взгляд на пол.

— Думаешь, под нами что-то работает?

Его внезапно осенило.

— Лаборатория перемещения прямо под нашими ногами?

— Ошибся, лаборатория на сорок седьмом подземном ярусе, — стекло вновь стало прозрачным. Наблюдавший за ними часовой с некоторым уважением посмотрел на оборотня: — Ну у тебя и нюх. Почувствовать, как вибрирует скала при движении целого острова... Сильно.

«Сорок седьмой ярус», — мысленно зафиксировал информацию Буфань. Но куда сильнее его поразила вторая часть фразы.

— Остров движется?.. — он ошарашенно уставился на часового. — Хочешь сказать, эта глыба дрейфует в океане?

— А как, по-твоему, нам удаётся столько лет скрываться от звероловцев? — конвоир гордо выпрямился.

Пленники были надёжно заперты, на ногах у них звенели тяжёлые кандалы с трекерами, так что скрывать очевидное не имело смысла.

— Проект «Перезапуск» изначально создавался ради спасения нашего вида и возрождения человеческой расы. Вся глобальная стратегия разделена на четыре этапа: первый — отделение островных платформ; второй — мировой дрейф; третий — мониторинг окружающей среды; и четвёртый — великое возрождение цивилизации.

Парень сделал паузу, обводя пленников глумливым взглядом.

— И прямо сейчас мы готовим плацдарм для финального шага. Наша цель — полностью зачистить планету от дегенеративных видов, мешающих развитию людей. Сюда входят мутировавшие хищники, сорные плотоядные растения, токсичные люди и... — его взгляд

скользнул по могучей фигуре оборотня, —...зверолюди.

В камере воцарилось тяжёлое молчание. Андерсон первым нарушил тишину, выплюнув сквозь зубы:

— Какая потрясающая неблагодарность. Вы забыли, чьими руками были созданы зверолюди? Вашими собственными.

— Прекрасно помню, — беззаботно отмахнулся часовой. — Наши учёные стояли у истоков этих разработок. Без зверолюдей Подземные города захлебнулись бы в собственной грязи ещё в первые десятилетия. Беда в том, что в европейском филиале Академии наук поднялся мятеж. Местные безумцы возомнили, будто зверолюди — это новая ступень эволюции человека. Вас создавали как инструменты, как ломовой скот. Вам вообще нельзя было оставлять репродуктивную функцию!

— И всё же... никто в этом мире не сравнится с людьми по части подлости и жестокости, — Андерсон издал короткий, злой смешок.

— Я лишь констатирую факты. Ваши предки были подопытными преступниками. А из-за того, что вы бесконтрольно плодитесь, мутации в вашем геноме плодят ужасных уродов.

Парень повернулся к Буфаню, явно ища у него поддержки:

— Господин Тан, сами посудите. Если дед зверолюда был волком, бабка — полузверолюдем с генами глубоководной рыбы, их сын унаследовал этот дикий гибрид, а потом взял в жёны девушку с генами птицы... Что за монстр родится у них в итоге? Да никто не предскажет! Это же генетический тупик!

Буфань ничего не ответил. Он лишь тяжело опёрся подбородком о ладонь, а вторую руку инстинктивно опустил на свой живот, слегка прижав пальцы к плотной ткани одежды.

Ему нечего было возразить. Страх, поселившийся в груди с того самого дня, когда он узнал о своей беременности, вспыхнул с новой силой. Буфань сразу вспомнил неизлечимо больного старшего брата Лу И. Что, если это страшное генетическое проклятие передаётся по наследству? Что, если их будущий ребёнок...

В вопросах здорового потомства природа зверолюдей действительно давала колоссальные сбои. Теперь становилось предельно ясно, почему Лу И всю жизнь сторонился мыслей о браке и детях.

— И всё же... неужели нет вообще никакого шанса на мирное сосуществование? — глухо спросил Тан Буфань через стекло.

Конвоир отхлебнул из глиняной кружки и промолчал. Буфань обречённо вздохнул и потянулся к раскрытой книге, как вдруг за стеклом раздался негромкий голос:

— Некодирующая ДНК.

Буфань замер и поднял взгляд. Часовой, откинувшись на спинку стула, задумчиво вертел в руках чашку.

— В человеческом геноме лишь два процента ДНК кодируют белки. Огромная часть — почти три четверти — считается «мусорной». Но этот «мусор» — не что иное, как летопись эволюции нашего вида за сотни тысяч лет. До меня доходили слухи, что в европейской Академии наук велись секретные исследования в этой области. Если они совершат прорыв...

Он поставил кружку на стол и посмотрел Буфаню прямо в глаза.

—...тогда у зверолодей появится шанс выжить как вид.

<http://bllate.org/book/19039/2003778>